

УДК 821.161.1

Е. А. ЖИРКОВА

**ОБРАЗ РОДИНЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА:
ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Автор обращается к теме Родины в творчестве А. А. Блока, сопоставляет воплощение этого образа в ранней и поздней лирике, выявляет пушкинские традиции в интерпретации темы. Анализ стихотворений позволяет раскрыть особенности поэтического восприятия автора.

Ключевые слова: ранняя лирика А. Блока, образ Родины, пушкинские традиции.

UDK 821.161.1

E. A. ZHIRKOVA

**MOTHERLAND IMAGE AT ALEXANDER BLOK EARLY LYRIC POETRY:
LINGVOPOETICAL ASPECT**

Author addresses the theme of Motherland in the works of A. Blok, maps the embodiment of that image in the early and late lyrics, reveals the Pushkin tradition in the interpretation of the theme. Analysis of poems to reveal the features of poetic perception of the author.

Ключевые слова: A. Blok's early poetry, Motherland image, Pushkin tradition.

Своеобразным ключом к раскрытию неповторимого блоковского подхода в создании образа Родины служат собственные многочисленные высказывания поэта: «Родина – это огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое, беспомощное, чем отдельный человек... Родина – древнее, бесконечно древнее существо, большое; поэтому неповоротливое, и самому ему не счесть никогда своих сил, своих возможностей, так как они рассеяны по матушке-земле» [1]; «Нам завещана в фрагментах русской литературы от Пушкина и Гоголя до Толстого, во вздохах измученных русских общественных деятелей XIX века <...> огромная концепция живой, могучей и новой России» (т. 8, с. 277); «Сумерки, крайняя деревенская изба одним подгнившим углом уходит в землю; на смятом жнивье – худая лошадь, хвост треплется по ветру; высоко из прясла торчит конец жерди; и все это величаво и торжественно до слез; это – наше, русское» (5, 519); «Вот русская действительность – всюду, куда ни оглянешься, – даль, синева и щемящая тоска неисполнимых желаний» (т. 5, с. 74).

Приведённые слова Блока относятся к позднему периоду его творчества (1906–1915), однако поэтический образ Родины возникает уже в самых ранних стихах. Этот образ вобрал в себя черты, которые потом разовьются и окрепнут в стихотворениях «Русь», «Россия», цикле «На поле Куликовом».

В стихотворении 1898 года «Я стремлюсь к роскошной воле» Блок рисует пространство, очень похожее на бескрайние просторы России:

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне. (т. 1, с. 9).

Приметы этого пространства лишены мистического содержания, оно характеризуется подчёркнуто земными чертами, и мы безошибочно узнаём, что пространство это типично русское, национальное. Это впечатление усиливается благодаря использованию Блоком традиционных для русского фольклора народно-поэтических определений: «в широком чистом поле», «к прекрасной стороне» и др. Не только зрительные, но и звуковые образы отличаются явной конкретностью, причём Блок находит способ ее усиления: «Вечно шелест легкий слышно: Колос клонит». Существительное «шелест» благодаря своей семантике и фонетическому оформлению уже само по себе вызывает звуковые ассоциации. Но Блоку кажется этого недостаточно, и после первого предложения он ставит двоеточие, поясняя тем самым,

откуда рождается этот шелест, что создаёт его. Зрительный образ помогает увидеть картину поспевающего хлебного поля, тяжёлые, налитые зерном колосья, колышущиеся под лёгким, тёплым ветерком. Этот зрительно-звуковой образ настолько был дорог Блоку, являлся, по мнению поэта, настолько характерным для облика России, что спустя 16 лет в стихотворении «Последнее напутствие» Блок бережно сохранит его, наполнив новыми, ещё более выразительными красками:

Нет... ещё леса, поляны,
И просёлки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе... (т. 3, с. 280).

Возвращаясь к стихотворению «Я стремлюсь к роскошной воле», отметим, что глаголы движения, яркие, выразительные, использованы Блоком лишь в первых двух строках («Я стремлюсь к роскошной воле, Мчусь к прекрасной стороне»). Однако вся описанная картина воспринимается как образ, полный внутреннего динамизма. Этот эффект непрерывного движения возникает благодаря своеобразной в семантическом отношении кольцевой композиции стихотворения: в начале – стремительные глаголы движения, в конце – эмоционально окрашенное, семантически вобравшее в себя идею движения «Путь далёк!». Так возникает ощущение незамкнутости пространства, его безграничности.

Поэтический синтаксис стихотворений, рисующих картины родных просторов, отличается ясностью и простотой. Практически полностью отсутствуют сложные синтаксические конструкции, призванные передать многогранный комплекс авторских, часто противоречивых впечатлений и ассоциаций. О стилистической значимости «отказа» от тех или иных средств языкового выражения писал В. В. Виноградов [2]. Очевидно, что в поэзии Блока, где важно все, вплоть до знаков препинания, подобные отказы чрезвычайно существенны. Рисую дорогой ему образ Родины, Блок выбирает простые, мало чем осложненные конструкции, создающие атмосферу гармонии и покоя:

Ещё бледные зори на небе,
Далеко запекает петух.
На полях в созревающем хлебе
Червячок засветил и потух.

Потемнели ольховые ветки,
За рекой огонёк замигал.
Сквозь туман чародейный и редкий
Невидимкой табун проскакал (т. 1, с. 241).

В стихотворении обращает на себя внимание особый характер метафоричности: использованные метафоры отличаются какой-то бесхитростностью. Созданные на базе прямого значения, они характеризуются традиционной, привычной схемой переноса значения: «огонёк замигал», «червячок засветил и потух». Использование существительных с уменьшительными суффиксами придаёт ещё большую теплоту образам, возникшим из этих живых, «вещных» метафор. Общая предметная направленность метафор этого стихотворения обуславливается не только вещностью конкретного значения, лежащего в их основе, но и общим предметным фоном, который создаётся, прежде всего, обильным употреблением слов в основном, прямом номинативном значении в контексте всего произведения (зори, небо, пастух, запевать, поля, хлеб, потемнеть, ольховые ветки и др.). Простота в данном случае – свидетельство высшего поэтического мастерства Блока, это та классическая простота, которую находим в лучших стихотворениях Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Есенина.

Необычным, чрезвычайно выразительным тропом является удивительное по красоте сравнение: «Сквозь туман чародейный и редкий // Невидимкой табун проскакал». Сравнение «невидимкой» в воображении читателя перекликается с чем-то сказочным, призрачным, фантастическим. Если рассматривать это сравнение в системе образных средств Блока, оно будет ассоциативно связываться с ними, дополняться ими и обогащаться. В контексте стихотворения образное представление, выраженное этим сравнением, подкрепляется содержанием предшествующих метафорических эпитетов: чародейный и редкий, – которые тоже ассоциируются с волшебством, чарующим виденьем. Рассмотренное сравнение не столько передаёт логически законченную мысль, сколько дополняет через образное представление авторское чувство – радостное ощущение мудрости и красоты родной природы, воплотившихся в живом начале народной русской жизни.

В описании семантического поля «Родина» одной из ключевых лексем на протяжении всего творчества Блока является слово «песня». Уже в ранних стихах песня, протяжный напев – неизменный поэтический атрибут образа Родины: «Разверзлись тучи, месяц встал, // Звучала песня издалёка» (т. 1, с. 54), символ душевного просветления, маяком на пути к истине. Не случайно песенный напев возникает как последнее звено в синонимической цепи образов, рисующих картину успокоения и умиротворения в природе («разверзлись тучи», «месяц встал»). Тональность образа, созданного Блоком, близка пушкинскому восприятию народной песни:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила.
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла [3].

И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая [4].

Характер русской жизни ассоциируется у Блока с особенным звучанием русских народных песен, чаще грустных и протяжных:

Я печальными еду полями,
Повторяю печальный напев (т. 1, с. 241).

Мотив дорожной русской тоски усиливается Блоком благодаря повторенному дважды прилагательному «печальный», которое употреблено и в прямом, и в переносном значении: «печальный напев» – грустный, исполненный печали, вызывающий, навевающий печаль; «печальные поля» – поля, навевающие грустные думы своей скудностью, бедные, бесплодные нивы как символ бедной русской жизни (ср.: лермонтовское «нивы бесплодные», «дрожащие огни печальных деревень»). Блок воссоздаёт все возможные значения слова «печальный», вызывая цепь ассоциативных образов. Вариативность усиливается вследствие возможности двойного толкования глагола «повторяю». «Повторяю печальный напев», т. е. твержу одну и ту же мелодию «исполняю еще раз то же самое», и тогда «повторяю» относится только к понятию «напев». Но, учитывая многообразие семантического наполнения прилагательного «печальный», читатель может воспринимать глагол «повторяю» как «отражаю, воспроизвожу» в песне то, что вижу и чувствую. Печаль полей рождает песенную печаль. В этом случае глагол «повторяю» ещё больше сближает песню и жизнь, делая их в определённом смысле тождественными друг другу.

Русская песня вызывает у Блока двойное чувство: она терзает душу своей тоской и безысходностью, но она же является нравственным ориентиром в пути, источником сил и надежды:

Но скорбью полнилась в ответ
Душа, истерзанная песней (т. 1, с. 54).

А там, далеко, из-за чащи лесной
Какую-то песню поют.
И кажется: если бы голос молчал,
Мне было бы трудно дышать,
И конь бы, храпя, на дороге упал,
И я бы не мог доскакать (т. 1, с. 37).

Глагол «полнилась» в данном случае контекстуально близок лексеме «повторяю» («повторяю печальный напев») во втором значении – «отражаю, воспроизвожу». Душа полнится скорбью, звучащей в песне, которая, в свою очередь, повторяет печаль русских полей. Таким образом, песня для Блока – одно из главных связующих звеньев между народной жизнью и душой. Ключевые слова, выражающие суть этого взаимодействия: *жизнь – песня – душа*.

Ощущение двойности восприятия народной песни (терзает душу и вселяет надежду) сохранится и в позднем Блоке и выразится ставшим хрестоматийным:

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка...
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!.. (т. 3, с. 84).

Лучшие поэтические краски Блока отданы песне, с песней которой связаны самые тёплые и чистые ассоциации. Но даже и для выражения своего одиночества, постоянного, терзающего душу, поэт обращается к этому образу:

Но сказать – не услышишь ответа.
Точно песня, весь мир облетев,
Возвратилась, ничем не согрета (т. 1, с. 466).

Песня, отражающая народную душу, близка Блоку всегда. Даже если атрибуты такой песни весьма прозаичны, Блок умеет и их наполнить настоящей поэзией:

Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.
Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю... (т. 2, с. 75).

«Голос Руси пьяной» – метафорический образ народного бесшабашного веселья, отчаянной хмельной удали (ср.: лермонтовское «Смотреть до полночи готов // На пляску с топаньем и свистом // Под говор пьяных мужичков»). Обращает на себя внимание глагол «отдыхать» рядом с «кабак» в значении «заведение низшего разряда». Эстетическое чувство автора не только не оскорблено окружающей атмосферой, но, напротив, только здесь поэт может «отдохнуть», то есть чувствует себя свободно и легко, вслушиваясь в звучание народной души, принимая это звучание, находя в нём близкое, родное начало.

Для Блока, как для любого истинно русского поэта, милы и внешняя бедность, даже убогость русской жизни, и её духовная чистота:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слезы первые любви! (т. 3, с. 84).

Наряду с песней символом России и в раннем, и в позднем творчестве Блока становятся журавли: «Взлетели к югу журавли // Протяжно плачущей станицей» (1, 54). Сравнение «протяжно плачущей станицей» благодаря употреблению существительного «станлица» в одном из его основных значений – стая птиц (обычно перелётных), рисует образ зримый и очень конкретный. В то же время доминантой в этом сравнении является комплексное определение «протяжно плачущей», создающее эффект уходящего вдаль пространства, эффект нашего целостного восприятия образа Родины, с её бесконечными просторами, прозрачным осенним небом и, конечно же, печальным клином журавлей:

И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За летом журавлиным...
Летит, летит косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чём звенит, о чём, о чём?
Что плач осенний значит? (т. 3, с. 120).

Эпитет «родной», его народно-поэтический вариант «родимый» – один из самых распространённых в ранней поэзии Блока при определении понятий, соответствующих семантическому полю «Родина»: О, друг мой, не беги *родной* своей земли (т. 1, с. 458); *родимые* селенья (т. 1, с. 96); Глушь *родного* леса (т. 1, с. 477); Лазурь *родимой* стороны (т. 1, с. 522); Внизу – *родимая* долина (т. 1, с. 122); Когда же *родимый* приют?.. (т. 1, с. 37).

Образ Родины уже в ранних стихах Блока приобретает конкретные вещные характеристики:

Ветер гнёт упругие кусты,
Битый камень лёг по косогорам,
Жёлтой глины скудные пласты... (т. 2, с. 75).

Восприятие России, возникшее в ранних стихах, сохраняется и повторяется в более поздних произведениях, причём сохраняется с использованием почти тех же лексических средств: «Над скудной глиной жёлтого обрыва В степи грустят стога» (т. 3, с. 90). Определение «желтый», «скудный» воспринимаются как синонимичные. Пересечение лексических значений строится на субъективных авторских ассоциациях, но проследить их ход вполне возможно для читателя. «Скудный» – чахлый, жалкий, бедный, истощённый. «Жёлтый» – традиционное обозначение цвета, связанного с болезнью, нездоровьем (ср. у Достоевского: улица Петербурга, покрытая жёлтой пылью, жёлтые здания, жёлтые обои в квартире Раскольниковы, желтоватые волосы старухи-процентщицы, жёлтое лицо Мармеладова и т. д.). И если определения «жёлтый» и «скудный» могут восприниматься как синонимы лишь контекстуально, то «болезненный» и «истощённый» как их семантические эквиваленты явно близкие понятия.

Каким бы лиричным, даже грустным ни был изображён русский пейзаж, общая авторская оценка в стихах, посвящённых России, отличается оптимизмом:

Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.
Вот оно, мое веселье пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав (т. 2, с. 75).

Итак, уже в самых ранних стихах Блок начинает создавать удивительный, неповторимый образ Родины, которая предстаёт как нечто «великое, необозримое, просторное, тоскливое и обетованное» (т. 5, с. 102).

«Россия – не государство <...> а некое соединение, постоянно меняющее свой внешний образ, текучее <...> и, однако, не изменяющееся в чем-то самом основном. Наиболее близко определяют это понятие слова: “народ”, “народная душа”» (т. 6, с. 453).

Литература

1. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.; Л., 1960–1963. С. 443. Здесь и далее стихотворения цитируются по этому источнику, в круглых скобках указывается номер тома и страницы.

2. Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 13.

3. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М., 1974. С. 148.

4. Пушкин А. С. Собрание сочинений ... Т. 4. С. 85.

References

1. Blok A. Sobranie sochineniy [Collected works]: 8 v 8 t. T. 5. M.; L., 1960–1963. S. 443. Here and onwards poems cited by this source, in parentheses indicate the volume number and page.

2. Vinogradov V. V. Yazyk hudozhestvennogo proizvedeniya [The language of fiction] // Voprosy yazykoznaneya. 1954. № 5. S. 13.

3. Pushkin A. S. Sobranie sochineniy [Collected of works]: v 10 t. T. 1. M., 1974. S. 148.

4. Pushkin A. S. Sobranie sochineniy ... T. 4. S. 85.

УДК 811.352.3

С. Х. АНЧЕК

МЕТАФОРА КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО ДЕФОРМАЦИИ ИМЕНИ ДЕНОТАТА

(На примере адыгских загадок)

В статье рассматриваются тексты адыгских загадок с целью выявления метафор, переносящих свойства денотата на другие предметы или явления на основании признака, общего или сходного для обоих сопоставляемых членов. Как языковое средство метафора деформирует первичную номинацию объекта (имя в прямом значении) и подбирает вторичную номинацию (имя в переносном значении).

Ключевые слова: адыгский фольклор, средства языковой выразительности, метафора, номинация денотата.

UDK 811.352.3

S. KH. ANCHEK

METAPHOR AS A LANGUAGE FEATURE STRAIN NAME DENOTATION

(On Adyghe mysteries example)

This article examines the texts of Adyghe mysteries with a view to identifying metaphors, porting to other denotation properties of objects or phenomena on the basis of the element, general or similar for both matched members. As a language feature metaphor deforms primary nomination facility (the name of the live value) and selects a secondary nomination (the name of the figurative meaning).

Key words: Circassian folklore, means a language expressiveness, metaphor, nominated denotation.

Каждый язык исключителен, имеет свои особенности, внешним проявлением которых является фольклор: именно в нём раскрываются все прелести языка и мудрость народа. И мы считаем правомерным мнение, что «генетически фольклор должен быть сближаем не с литературой, а с языком, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает и изменяется закономерно и независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создавались соответствующие условия» [1].

Язык фольклорных произведений интересен, многогранен. Он привлекает к себе внимание исследователей с момента зарождения филологической науки. Вербальный мир устного народного творчества представляет особый интерес своей чувствительностью и подвижностью: чем больше человек познаёт внешний мир и самого себя, тем больше он открывает в нем нового, и все новое отражается в его лексике.